

О лингвистическом аннотировании древнерусских рукописей

В лингвистической литературе неоднократно указывалось, что успешное развитие истории русского языка требует значительного расширения того репертуара древнерусских рукописей, который с конца XIX в. и до сих пор используется в лингвистических работах. Встает вопрос о научном освоении памятников письменности, имеющих в хранилищах, но пока не включенных в сферу исследования. Для этого прежде всего надо шире и подробнее информировать специалистов о тех или иных рукописях, раскрывая по возможности их лингвистическое значение. В таких случаях необходима информация не только о ранее неизвестных рукописях, т. е. о вновь найденных, вновь приобретенных, но также и о рукописях, давно известных, однако не обследованных с точки зрения языка. Для любого исследователя, занимающегося изучением древнерусских рукописей, обязательным этапом работы, предшествующим непосредственному обращению к той или иной рукописи, является ознакомление с их описаниями. В аннотациях таких описаний читатель-специалист предполагает найти указания о наличии тех или иных конкретных рукописей (единиц хранения) и предварительные сведения об их ценности в интересующем данного исследователя плане. При этом чем полней и обстоятельней будет аннотация каждой рукописи, тем полезней она окажется и для специалистов, так как сбережет их время и силы. В ряде случаев обстоятельное аннотирование может удержать специалиста от необоснованного непосредственного обращения к рукописям в целях выявления их пригодности для его исследования и тем

самым способствовать их лучшей сохранности. К сожалению, имеющиеся научные описания рукописных собраний и коллекций далеко не всегда учитывают разнообразные интересы исследователей, пользующихся в своих изысканиях материалом древней письменности. В частности, многие из них почти не касаются, а иногда совсем не касаются тех особенностей, которые необходимы лингвистам¹.

Правда, старые описания, подготовленные А. Х. Востоковым², А. В. Горским и К. И. Невоструевым³, В. Погореловым⁴, А. Поповым⁵, содержат некоторые сведения о языковых особенностях рукописей, но они в ряде случаев оказываются отрывочными, неполными. Кроме того, не следует забывать, что они выполнены в основном в XIX в., на уровне развития науки своего времени, и поэтому могут не содержать сведений, необходимых современному исследователю-лингвисту.

Попытаемся установить, хотя бы в общем, объем и содержание сведений о рукописи, которые позволили бы специалистам предварительно судить, в какой степени ее материал может быть пригодным для тех или иных исследований. Известно, что лингвистические аспекты изучения древнерусских рукописей могут быть весьма разнообразны. Однако при любом изучении лингвисту необходимо иметь сведения не только об особенностях письма рукописи, но и о ее содержании, так как содержанием во многом обусловлено наличие тех или иных языковых особенностей. Лингвисту необходимо знать, когда и где написана рукопись, сколько писцов участвовало в ее написании, а также данные о сохранности текста. Ответы на эти вопросы в зна-

¹ Исключением в этом отношении является описание рукописей Музейного собрания ГБЛ. В нем аннотация каждой рукописи XI—XVI вв. содержит данные о ее языковых особенностях. См. Муз. Описание, т. I, № 1—3005. ГБЛ. М., 1961.

² А. Х. Востоков. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842.

³ А. В. Горский и К. И. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, кн. 1—5. М., 1855—1869; вып. 6. М., 1917.

⁴ В. Погорелов. Библиотека Московской синодальной типографии, вып. 1—4. М., 1899—1903.

⁵ А. Попов. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872; он же. Первое приращение к описанию рукописей и каталогу книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1875.

чительной степени интересуют не только языковедов, но и других специалистов — историков, литературоведов, искусствоведов и др., а поэтому лингвистическая аннотация будет в известной мере полезна для всех или во всяком случае для многих исследователей.

К таким общим сведениям о рукописи относятся собственно археографические данные и палеографические приметы. В первую очередь сообщается название аннотируемой рукописи. В том случае, если аннотируется рукопись, которая была неизвестна исследователям, необходимо определить ее название, пользуясь общепринятой терминологией. Правильное название памятника важно для исследователя, поскольку оно всегда в какой-то мере раскрывает содержание источника. Затем должно быть указано место хранения рукописи, т. е. хранилище, фонд или собрание и шифр или номер. Дается заключение о времени написания рукописи, указываются прямая или косвенная дата, если таковые имеются в рукописи. Высказываются соображения о месте ее написания. Далее приводится краткое палеографическое описание аннотируемой рукописи. Характеризуется ее внешний вид: отдельный лист, тетрадь, книга, столбец; указывается объем в листах, для пергаменных рукописей — размер в сантиметрах. Определяется тип письма рукописи: устав, полуустав, скоропись; даются их характерные приметы. Сообщается о количестве писцов, принимавших участие в написании рукописи. Описывается писчий материал и особенности его выделки. Для рукописей, писанных на бумаге, следует указать водяные знаки, дать соответствующие ссылки к справочным пособиям (Лихачева, Тромонина, Клепикова и др.). Если аннотируемая рукопись представляет собой книгу, то в аннотации отмечается наличие переплета и указываются его особенности. Дается общая характеристика орнамента. Указываются декоративные формы письма (вязь). Отмечается наличие тайнописи. Сообщается о сохранности рукописи, отмечаются дефектные места текста и повреждения писчего материала.

Сведения о палеографических особенностях в равной степени необходимы в аннотации как для датированных рукописей, так и для тех, которые не содержат прямых или косвенных данных о времени написания. В первом случае палеографические приметы помогают проверить правильность имеющейся даты, они подтверждают ее,

ограничивают или противоречат ей. У недатированных рукописей палеографические приметы, как известно, помогают установить время написания. Описание таких примет позволит читателям проверить правильность суждения о рукописи. В аннотации прежде всего следует указывать датирующие особенности.

Известно, что любая аннотация должна отличаться краткостью, а сам процесс аннотирования всегда ограничен временем. Аннотирование — не изучение рукописи, а только ознакомление с ней. Краткое палеографическое описание рукописи в аннотации не может заменить ее палеографического исследования.

В аннотации рукопись должна быть охарактеризована со стороны содержания и состава. Эти сведения представляют большую ценность для лингвистов: содержание источника определенным образом, в большей или меньшей степени, связано с теми или иными стилистическими и другими его языковыми особенностями. В некоторых случаях содержание с достаточной полнотой раскрывается в названии, например недельное евангелие, следованная псалтырь, цветная триодь, златоуст, златоструй и под. В других случаях, в особенности для рукописей-сборников, необходимо давать перечень статей, входящих в данную рукопись, или хотя бы указать важнейшие из них.

Сообщается о наличии записей и приписок. Наиболее существенные из них, которые содержат указания на дату, освещают историю создания рукописи, вскрывают принадлежность данной рукописи определенному лицу или учреждению и под., можно, если позволяет их объем, воспроизвести или изложить их содержание.

К общим данным рукописи относятся сведения о ее изучении, если рукопись ранее привлекала внимание исследователей. Указываются публикации текста рукописи, исследования о ней: лингвистические, палеографические, исторические и иные.

Первоначальное ознакомление с рукописью, результаты которого закрепляются в аннотации, должно служить раскрытию значения данной рукописи для исследователей, определению ее места среди других.

Кроме общих сведений о рукописи, в аннотации должны быть сведения, позволяющие судить о ее собственно языковых особенностях. По этим данным читатель-специалист до непосредственного знакомства с памятником

получит определенное представление о датировке и локальной принадлежности рукописи и до некоторой степени сможет судить о ее лингвистической ценности для разрабатываемой темы. Известно, что точность соотнесения языковых особенностей рукописей с определенной исторической эпохой и древней славянской территорией может быть различной. В некоторых случаях на основании лингвистических примет сравнительно легко определяется, например, новгородская, псковская, галицко-волынская принадлежность древнерусской рукописи и время написания определяется в пределах не только столетия, но и его частей. В других случаях время и место написания рукописи на основании лингвистических примет устанавливается с меньшей точностью. Из аннотации должно быть ясно соотношение лингвистических и палеографических примет, насколько они совпадают, подтверждают друг друга. Определяющие приметы некоторых рукописей находятся в противоречии между собой. Эти рукописи требуют более подробного аннотирования с обязательным приведением противоречивых данных. Несоответствие некоторых лингвистических примет другим данным рукописи чаще всего объясняется влиянием орфографии какого-то оригинала, иногда не непосредственно предшествующего ⁶.

Полагаем, что датирующие лингвистические приметы позволят специалисту определить для себя лингвистическую ценность рукописи. Так, если говорится, что в данной рукописи, писанной на пергамене уставом XII—XIII вв., не употребляется ж, а ѡ обозначает звук [a] после мягкого согласного, встречается пропуск этимологических ѣ, ѡ (шѣпѣти, к нимѣ, всѣхѣ, много) или их замена буквами о и е (полну, гордостю, темныи), имеются случаи обратной замены этимологических о и е буквами ѣ и ѡ (кѣнечныи, вѣлмудрующе), буква ѣ пишется на месте е перед слогом с этимологическим редуцированным гласным (зѣмѣти, матѣжѣ, о сѣмѣ, бѣздѣнѣ), употребляется буква ж на месте *dj (жажею, повѣжанте), встретилось полногласие (шморочи,

⁶ На основании несоответствий отдельных примет выявляются рукописи-подделки, поэтому у тех рукописей, подлинность которых сомнительна, подобные несоответствия заслуживают пристального внимания.

черекю) и т. д., то перечисленные особенности⁷ позволяют по языку определить эту рукопись как древнерусскую, очевидно галицко-волыцкую, писанную не ранее XII в.

Указаний на подобные особенности, позволяющие определить хронологическую и локальную приуроченность рукописи, будет вполне достаточно при аннотировании ряда рукописей.

* * *

Выше мы пытались установить, какие сведения о рукописи должна содержать аннотация. Далее встает вопрос о том, в каком объеме их сообщать, поскольку аннотирование рукописи не предполагает ее исследования. Полагаем, что в собственно лингвистической части аннотации должны содержаться суждения об особенностях употребления тех или иных букв и буквенных сочетаний, весьма ограниченно иллюстрируемые примерами. Лингвистическая интерпретация отмеченных написаний, заключения о языке, отразившемся в них, является задачей лингвистического исследования. В аннотации о тех или иных фактах письма только сообщается, отмечается их наличие, а в исследовании эти факты используются в сопоставлении с другим лингвистическим материалом. Напомним, что одни и те же написания в разных по времени и по месту создания рукописях могут иметь различное лингвистическое истолкование. Например, употребление писцом Остромирова евангелия букв ѣ, оу после шипящих согласных и ц (вашъ — 32г, 34а; идъшъ — 70г; ближънаго — 58а; жъньи — 32а; кънижъникъ — 67г; лоучъши — 62в; въвъшоуоумоу — 4б; възлежцоу — 64г; корабцоу — 89г и под.⁸) относят, как известно, за счет влияния орфографии оригинала. Подобные написания, отмеченные в древнерусских памятниках начиная с XIV в., могут объясняться изменением произношения

⁷ Примеры взяты из Выглексинского сборника конца XII — начала XIII в. (ГБЛ, Муз. 1832). См.: А. И. Соболевский. Два древних памятника галицко-волынского наречия. — РФВ, т. XII, 1884, № 3; ГБЛ, Муз. Описание. М., 1961, стр. 299.

⁸ Здесь и далее примеры приводим по изданию: А. Х. Востоков. Остромирово евангелие 1056—57 года с приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями. СПб., 1843.

шипящих, их отвердением. Также влиянием оригинала объясняют в Остромировом евангелии употребление редуцированного после буквы плавного согласного в корнях с этимологически обратным порядком звуков: **крьха** — 95б; **дрьжати** — 110б; **извъкъше** — 227б; **мрътъкь**, **испкънь** — 70б и под. Наличие подобных примеров в рукописях XV в. может указывать на искусственный прием орфографии, появившийся под южнославянским влиянием. Подобные факты многочисленны.

В некоторых случаях лингвистически правильное истолкование написаний возможно только при изучении всего комплекса вопросов, связанных с этими написаниями и памятником в целом. В качестве примера назовем употребительные в Успенском сборнике XII—XIII вв.⁹ написания с бузвами редуцированных гласных по сторонам плавного в корнях с этимологическими сочетаниями редуцированных перед плавными между согласными: **жьръктеоу** — 122б; **четвьрътъи** — 153в; **чьрътогъ** — 191г; **мьрътеъа** — 189г; **чьрънца** — 154г; **пьръкъихъ** — 184в; **къздьръжа** — 150б; **тьвьръдоу** — 150в; **съмьрътъ** — 190б; **къръмильць** — 126г; **търъгъ** — 46б; **мъкъни** — 190г; **къкъкъ** — 179б. Таким образом, в аннотации, повторяем, должны указываться только факты и примеры из данной рукописи.

Уже говорилось, что аннотация должна быть изложена четко и лаконично. Это требование в наибольшей степени относится к лингвистической части аннотации. На огромное значение точности языка при этом указывал В. Н. Щепкин, крупнейший знаток древнерусской и славянской письменности. Он писал, что в подобных случаях «все сообщаемые факты должны быть выражены в суждениях, которые ничего не оставляют недосказанным, а сами допускают только одно понимание, а не несколько»¹⁰. Формулировки должны быть настолько точными, чтобы для будущего читателя суть констатируемого явления была сразу очевидна. Так как аннотирование не предполагает изучения графики и орфографии рукописи в целом, а допускает лишь общее ознакомление с ними, то выводы должны быть очень осторожными. Можно рекомендовать

⁹ ГИМ, Син. 1063/4.

¹⁰ В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1920, стр. 167.

употребление выражений «отмечено», «встретилось» или «не отмечено», «не встретилось» относительно того или иного явления, избегая более категорических выводов вроде «не употребляется» или, наоборот, «употребляется только определенным образом». Например, приемлемо такое заключение: «Отклонений от этимологически правильного употребления букв *ц* и *ч* не встретилось», сопровождаемое несколькими примерами; не следует формулировать суждение так: «Буквы *ц* и *ч* употребляются этимологически правильно». По нашему мнению, следует избегать в аннотации заявлений вроде «цоканье в рукописи отсутствует», так как оно содержит суждение об элементах фонетической системы языка, что не является задачей аннотации. При констатации того или иного явления желательно указать, насколько данный факт письма, отражающий последнее, распространен; представляет ли он явление регулярное или отклонение от нормы, отмеченное лишь в единичных случаях.

Особого внимания требует отбор иллюстративного материала для аннотации. Надо отметить, что читатель-лингвист прежде всего обращается в аннотации к конкретным примерам; эти примеры из рукописи, подтверждающие тот или иной вывод, должны быть однозначными в своих показаниях, допускающими только одно истолкование. Например, при отборе иллюстраций, касающихся употребления данной буквы в соответствии с этимологией или вопреки этимологии, следует отдать предпочтение корневым морфемам перед суффиксами и флексиями. Отмечая в аннотации то или иное явление, желательно указывать, представляет ли оно собой новообразование или традиционно, а может быть, и архаично. Такое разграничение материала сделает для читателя более убедительными выводы о времени и месте создания рукописи.

Разрешение первой задачи аннотации — сообщить необходимые сведения, позволяющие судить о времени и месте написания рукописи, сопряжено с известными трудностями, объясняющимися многообразием сохранившихся славяно-русских рукописей. Аннотирующий рукопись должен учитывать всю сложность развития нашей письменности, возможность смешения разных языковых стихий в одной рукописи. Для аннотирования рукописей необходимо обладать знанием истории славянских язы-

ков, знанием того, как история языка отражается в памятниках письменности.

Следует отметить, что в аннотации могут быть указаны факты, более детально раскрывающие лингвистическую ценность рукописи. Более подробная аннотация может оказаться необходимой для особенно ценных памятников. Естественно, в этом случае сообщаемые в аннотации сведения должны отвечать не только на вопросы «когда?» и «где?», но и удовлетворять интересам более глубокого ознакомления с рукописью. Для этого аннотирующему приходится учитывать все аспекты лингвистического изучения рукописи. Материал для аннотации древней рукописи отбирается исходя из задач истории русского языка на современном этапе ее развития. Безусловно, такой всесторонний охват всех аспектов исследования потребует от аннотирующего высокой теоретической подготовки в области истории языка и обстоятельного знакомства с памятниками письменности.

Реальное содержание аннотации может быть обусловлено степенью изученности отдельных областей истории языка и, что очень важно, разработанности методики исследования рукописей с определенных точек зрения.

* * *

В качестве примера предлагаем аннотацию древнерусской рукописи 1219 г. (ГБЛ, ф. 304, № 35), составленную на основании предварительного ознакомления с памятником.

Рукопись опубликована. См. в кн.: «Матеріяли з історії византійсько-слов'янської літератури та мови». Одеса, 1928, стр. 239—383. Текст был подготовлен к печати проф. А. В. Рыстенко, но опубликован после его смерти (1915 г.). Издание выполнено на высоком уровне, однако стало, к сожалению, библиографической редкостью.

Исследования: Б. М. Л я п у н о в. Профессор А. В. Рыстенко и напечатанные им тексты Жития Нифонта. «Известия Одесского библиографического общества при императорском Новороссийском университете», т. V, вып. 3—4. Одесса, 1912, стр. 85—103; П. О. П о т а п о в. Де кілька слів про значіння текстів Жития Нифонта, см. предисловие в кн. «Матеріяли з історії византійсько-слов'янської літератури. . .», стр. 6—16; К. И. Х о д о в а. Из наблюдений над лексикой древнерусского

списка «Жития Нифонта» 1219 г. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. IX, 1954, стр. 182—204; о н а ж е. Наблюдения в области словарного состава древнего памятника (Житие Нифонта в русском списке 1219 г.). М., 1955. Канд. дисс. Заметку о рукописи см. в кн.: И. И. С р е з н е в с к и й. Славянорусская палеография XI—XIV вв. Лекции. СПб., 1885, стр. 173—175.

Названная рукописная книга содержит древнейший славянский список Жития Нифонта пространной редакции. Ранее рукопись находилась в Троице-Сергиевой Лавре ¹¹.

В ркп. 178 листов (II+1—175+I). Текст занимает лл. 1—175 лиц., лл. 12—175 лиц. писаны в два столбца крупным уставом XIII в. на лощеном пергамене большого формата (22,8×34,5 см); лл. 1—11 писаны на бумаге полууставом XVII в. также в два столбца.

Переплет XVII в., доски обтянуты тисненой кожей; на корешке книги — кожаная накладка, сделанная, по видимому, при его реставрации; с внутренней стороны доски оклеены белой бумагой. Застежки утрачены, сохранились металлические бляшки на верхней крышке переплета и следы прикрепления ремней — на нижней. Листы ркп. пронумерованы арабскими цифрами, написанными чернилами. Рядом просматриваются те же цифры, написанные карандашом (см. лл. 5, 8, 70, 78, 130, 155 и др.). В ркп. 22 полных тетради и несколько отдельных листов. Первая — бумажная, в восемь листов, перед ней вклеены два листа бумаги, лл. 9—10 представляют один раскрытый лист, далее вставлен л. 11. Бумага одного качества, кон. XVI—нач. XVII в. (см. *Брике, № 13207—13211), за исключением I чистого листа. Текст XVII в., местами дефектный, бумага истончилась и выкрошилась, иногда выкрошились буквы и строки (см. лл. 1а, 7а).

Пергаменная часть ркп. составляет 21 тетрадь (лл. 12—172), лл. 172—175 — вставные. Тетради, кроме XIV, содержат по восьми листов. Они хорошо сохранили свою старую нумерацию. По середине нижнего поля первого листа и иногда на обороте последнего проставлены уставом XIII в. буквы с числовым значением. На л. 12 стоит

¹¹ См.: И е р о м о н а х А р с е н и й. Описание славянских рукописей Свято-Троицкой-Сергиевой Лавры. М., 1878, стр. 41.

ДНЬ на ПМ стго | мчнка | нкре|мня въ градѣ | ростовѣ
 при князи при васицѣ¹⁴ при слоу константино|вѣ а вноуцѣ
 все|вожи. стаа гже | вѣце стни апли | пррци мчнци | стъни
 нифонте | помози моѣмоу гднеу василкоу | и мене
 грешно|го раба своего | кюрла¹⁵ изба|ви въ днь соудны |
 и ѿ вѣчныа | моуки.

На обороте л. 175 незаконченная запись 1372 г. (·гѣ ѿ п·) с именем князя Дмитрия Ивановича.

Приписки — на л. I лиц. в начале книги скорописью XIX в.: «Писана въ 1372 году»; ниже, № 125, на л. II — скорописью XVIII в.: «Книга Нифонта зовоного мниха. По описи 1764 года № 4»; ниже: «1795-го года № 6»; на последнем листе бумаги — скорописью разных рук два раза: «прочтохъ»; ниже: «ладно да не... ладно».

Устав XIII в. содержит характерные приметы почерка этого времени. Буквы, слегка вытянутые в длину, свободно расположены в строке. Встречаются набухшие, негеометричные нижние петли букв ѣ, љ, ѝ, в. Мачта буквы ѣ выходит вверх за пределы строки. Буква ж обычно несимметрична, с сильно сокращенной верхней частью. Часто встречаются приподнятые перекладкины букв я, ю, и, н. Буква ш широкая, с разведенными петлями и низкой или чуть приподнятой серединой. Чаша буквы ч по преимуществу треугольная.

В написании рукописи принимало участие не менее трех лиц. Первым писцом написаны лл. 12—60 и левый столбец л. 103. Буква з пишется с длинным хвостом, опущенным почти вертикально вниз, у буквы к колено начинается на половине ее вы́соты, петля буквы м, как правило, имеет овальную форму, ножка буквы р сверху переходит в овал. Вторым писцом выполнены лл. 61—175

¹⁴ Ростовский князь Василько Константинович (1217—1238).

¹⁵ Архиепископ Ростовский Кирилл I (1216—1230). А. И. Соболевский относил Житие Нифонта 1219 г. к числу рукописей, принадлежавших его библиотеке. См. об этом: А. И. Соболевский. Остатки библиотеки XIII в. «Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии», XII. СПб., 1910, стр. 207—208; В. С. Голышенко. К гипотезе о ростовской библиотеке XIII века (в настоящем сборнике).

(т. е. X-я тетрадь первого счета и 13 тетрадей второго). Он пишет букву з с укороченным хвостиком, резко сдвинутым вправо, колено буквы к поднято вверх, петля буквы м часто заканчивается углом. Среди текста, написанного вторым почерком, отмечены незначительные вкрапления нового, третьего, почерка (см. лл. 6264—25; 65в1—10; 65г; 77в2—77г3; 79г13—26; 9762—4; 124г14—23; 143а; 171610—25).

В заглавиях встречаем киноварное письмо того же времени: лл. 85б, 89в, 102г, 114б. Порядковый номер глав Жития часто писан киноварью более позднего времени, например лл. 50а, 54л, 89в и т. д. Устав XIV в. встретился в заглавиях: лл. 31б, 78г.

Орнамент: инициалы разных рук; некоторые киноварные, «малые инициалы», представляющие собой те же буквы устава, но большего размера, чем строчные, писаны чернилами. По-видимому, они выполнялись писцом (или писцами) основного текста. Их мачты часто закрашены киноварью: **И** — 29б, **В** — 30а, **А** — 30г, **П** — 27б. Киноварь, вероятно, нанесена позже. По манере исполнения они близки к малым инициалам второго почерка ркп. Успенского сборника (ГИМ, Син. 1063/4). Некоторые из них украшены позже киноварным плетением, иногда веткой или цветком: лл. 53в—г, 60г, 133б—в. Киноварные инициалы с простым плетением: **П** — 93в, 169б, 170б, **И** — 102г, возможно, XIII в. У них четко выражены геометрические контуры букв, мачты украшены гребнями. Тератология на л. 169б несложная. Многие инициалы значительно моложе XIII в. К ним относим: **Б** — 21в (тератологич.), **Г** — 18в (плетение и тератология), **О** — 57а (лицо en face), 32в, 129в, полевой знак — 30 и др.

Особенности письма и языка¹⁶. Буквы ж, ъ и ѡ не встретились. После согласных обычны ѡ, е, после гласных и в начале слова — ѡ, к: слова — 123б, зрѡ — 129б,

¹⁶ Некоторые из этих примет приводятся в статьях В. М. Ляцунова, П. О. Потапова и в канд. дисс. К. И. Ходовой, однако в них цитируется не сама рукопись, а публикация. Учитывая это обстоятельство, а также и то, что статьи вышли в свет свыше 30 лет тому назад, считаем целесообразным повторить некоторые из них, проверив их точность непосредственно по рукописи.

речете — 93б, лежацие — 101а; своа — 103а, приазни — 53в, шко — 100г, разоу|мѣкаи — 99г, видѣник — 116в, юго — 53г, твоюмоу — 103г и под., но и едѣа — 29а (два раза). Встречаются оу: въ|моукоу — 60г, оуности — 93б, оулоучши — 94б; и ъ в конце строк: лѣ|кавъ — 53г, слакѣ — 34б, радѣ|иса — 33г. Отклонений от правильного употребления ч и ц не отмечено. Встретилось: головы — 119а. Обычно: оутвѣржю — 85г, поноуженик — 44а, чюжаше сѣ — 30а, вижъ (пов.) — 45б, разоуженик — 46б с ж на месте *dj; изредка: скръжьча — 44г, чюжю — 52в, шчюти сѣ — 30а с ч на месте *tj. В корнях с этимологическими сочетаниями редуцированных перед плавными обычно встречаем их исконный порядок: дързноу — 30а, сьрдьчнѣа — 45г, до|върха — 29б, въ|църковъ — 31г, мълниѣа — 86г, стѣлпъ — 164б, скърви — 87а, испълнени — 87б; отмечены написания с двумя редуцированными по обеим сторонам плавного, преимущественно на переносе: въръ|хоу — 29в, 30в; дъръ|знокеникѣ — 30а; смьръ|дѣца — 53а, но и в скървьхъ — 138б. Наряду с указанными П. О. Потаповым (стр. 12) окончанием ѣ в род. п. ед. ж. р.: люבודѣицѣ — 58в, недѣлѣ — 16в, ѿ|жажѣ — 17в и в вин. п. мн. ж. и м. р.: ковчежьцѣ — 63в, срѣницѣ — 64а, каплѣ — 169г встретились: онъ же акы ѿ|гона ѣ — 87б, ... и вельми възмоуца ѣ — 44в. В окончании тв. п. ед. м. р. обычно окончание -тъмь: съ|миръмь — 85г, въразъмь — 53в, помыслъмь — 46б, малъмь сынъмь — 44г (см. также: Ляпунов, стр. 92). Отмечена форма товѣ — 29а. Встретилось окончание -омоу: родоу|крѣстианьскомоу — 85в, влжномоу. Третье лицо глаголов обычно оканчивается на -тъ: соуть — 108г, прѣстоупають — 94а, ксть — 43в и т. д.

В правописании отражается падение редуцированных. Наряду с этимологически правильными написаниями: въчелы — 52б; двашьды, тришьды, четыришьды — 52г; тьмьныи — 28в; въдъхуни — 132а и под. встретились написания: столпъ — 30б, малъ сажецъ — 44б, правьдныи — 29в, грѣшикоу — 29г, крѣпцѣ — 117б, погрѣбѣа — 44б, створимъ — 44в, оумьр же — 106г, страстью — 45б, пыница — 137б; написания с этимологически не оправданной буквой ѣ: на|земь|ли — 44а—б, 46а; на|логѣ|аврамь|ли — 85г; благословь|леныѣа — 45а. Отмечены написания паки — 30г, великыи — 53в, дроугыи — 43б, оубо-

гын — 46в. Встретилось этимологически не обусловленное употребление буквы Ѣ: правѣдънын — 134г. Отмечено употребление буквы о после шипящих: сопоуцѣоу — 125в, оумършомоу — 126в. Встретились написания с оу на месте *уъ: оупросъ — 144в, оудворнаъ — 155б и, наоборот, с буквами въ на месте *и: велнкоую матвоу тѣгда въчиннхъ — 86г. Употребляется восклицательная частица воле: воле како азъ... — 30а (в соответствии с греч. ω!).